

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
« ____ » _____ 2023 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Коллективный феодал как актер международных отношений
во второй половине XII-XIV вв.

Руководитель

подпись, дата

доцент, к.и.н
должность, ученая степень

П.В. Лапо

инициалы, фамилия

Выпускник

подпись, дата

А.О. Осипченко

инициалы, фамилия

Красноярск 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1 Черты и критерии коллективного феодала как актора международных отношений.....	7
2 Формы коллективного феодала во взаимодействии с другими субъектами международного процесса.....	21
Заключение	Ошибка! Закладка не определена. 3
Список использованных источников	Ошибка! Закладка не определена. 6

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы обусловлена теоретическим переосмыслением роли нетрадиционных акторов в истории международных отношений и новым социально-антропологическим подходом к эмпирическому анализу материалов, отражающих взаимоотношения между традиционными для теории международных отношений государственными субъектами и их альтернативе - негосударственными субъектами. Такие в работе представлены концептом коллективного феодала - существовавших в XII - XIV вв. групп участников феодальной конфигурации, объединенных общей присягой не одному сюзерену, а сущности (коммуне, конгрегации, ордену). Их участие в международном процессе, пусть и отмеченное в истории международных отношений в качестве контекста действий национальных государств, не рассматривалось систематически. В связи с этим изучение внешней функции коллективного феодала, его влияния на международную повестку и специфики построения отношений с государствами-суверенами и с другими вариациями негосударственных акторов представляет практическую ценность для заполнения исторических и теоретических лакун и выдвижения дополнительных трактовок политических решений игроков в указанном периоде.

Наряду с этим в работе изучается генезис нетрадиционных акторов международных отношений и характер их сосуществования и взаимодействия с традиционными акторами, что расширяет хронологические рамки трактовки проблемы негосударственных и государственных акторов и позволяет переосмыслить роль централизованного унитарного национального государства, способного выступать главным субъектом и актором международных отношений.

Объектом исследования выступает актерский состав международных отношений в XII-XIV вв.

Предмет исследования заключается в проявлении внешнеполитической функции североитальянскими коммунами в начале XII – начале XIV вв.

Цель работы представляет собой анализ взаимовлияния форм коллективного феодала и традиционных акторов международных отношений.

Для её выполнения поставлены следующие задачи:

1. Определить черты актора международных отношений соответствующего периода и обосновать их соответствие чертам коллективного феодала.
2. Изучить динамику взаимовлияния форм коллективного феодала и других субъектов международного процесса.

Хронологические рамки работы охватывают период с XII по XIV вв., выбор которых обусловлен фактически фиксируемыми проявлениями внешнегосударственной функции итальянских коммун как формы коллективного феодала с нижней временной границы и изменением их структуры (а именно снижение роли коллегиального компонента принятия решений) к верхней.

Эмпирической базой исследования выступают эпиграфические материалы, в которых описываются проявления форм коллективного феодала: хроники итальянских (Бартоломео ди Неокастро, Джованни Виллани, Бартоломео Сакки), немецких (Випон Бургундский, Оттон Фрейзингенский), французских и английский (Гвиберт Ножанский и Роджер Ховеденский), а также греческих (Никита Хониат и Георгий Акрополит) авторов наряду с нормативными актами (Хартия вольностей Лану, Хартия, данная городу Оксфорду в 1156 г. Генрихом II Плантагенетом) и трактатами авторов позднего средневековья (Франсиско де Суареса и Джамбаттиста Вико).

В работе применяются следующие методы: характерные для теории международных отношений системный подход (систематизация решений суверенов, выделение общих и различных черт их организации), конструктивистский подход (при рассмотрении взаимоотношения между акторами различной природы), равно как и историко-социологический метод

(при построении праксиологических гипотез о принятии политических решений, выделении их предпосылок и последствий).

Научная новизна работы выражена изучением лакуны исторического и политологического знания о явлении и периодах, ранее рассматриваемых лишь по отдельности без определения глубокой взаимосвязи, а равно и причастности объекта исследования к проблематике международной политической теории.

Степень научной разработанности темы значительна, но фокус внимания исследователей вопроса был направлен на частные её аспекты. В особенности единоличных и коллективных феодалов изучали представители французской исторической школы «Анналов» Жак Ле Гофф, Марк Блок, Анри Пиренн и Люсьен Февр, североитальянские коммуну рассматривали С. Д. Сказкин (в рамках двухтомника «Истории Средних Веков»), Д. В. Вальков (в профильных публикациях), феномен коллективного феодала и соотношение «феодального общества» и «крестьянской цивилизации» изучали А. И. Неусыхин и А. Гуревич, характер акторов международных отношений в период до формирования национальных государств А. В. Якуб и О. Н. Холдоров. Сопоставление и выражение позиций разных исследователей, произведённые через призму методологии и авторского восприятия представляют важную составляющую работы.

Теоретическая значимость работы представлена вкладом в научную дискуссию о форме и природе власти в итальянских коммунах и её внешнем воплощении посредством выдвижения сделанных во время анализа доказательств и выводов на защиту, обсуждение и уточнение по итогам работ, посвящённых теме работы.

Практическая значимость работы заключается в использовании данных о наиболее распространённых форм коллективного феодала как актора международных отношений при составлении работ, посвящённых генезису и отличительным чертам нетрадиционных акторов международных отношений

и для анализа внешней деятельности народных коммун и городов других периодов и регионов.

1 Черты и критерии коллективного феодала как актора международных отношений

Традиционно в теории международных отношений (а наиболее выражено в чикагской школе и отечественной науке) для актора определяющими признаются следующие признаки:

1. Субъектность (признание другими акторами)
2. Влияние на международную повестку (формирование дискурса, принятие решений, вызывающих ответные решения у других участников международного процесса)

Не менее устоявшимся является отнесение генезиса актора к формированию национального государства, способного к формулированию и преследованию собственного национального интереса, способного существовать в той мере, в какой ему необходимо быть альтернативой или противоположностью национального интереса другого национального государства (что отвечает критерию 1 – формирует взаимно обуславливающую субъектность). В процессе реализации национального интереса происходят коллизии с выполняющими сходную цель другими национальными государствами, видоизменяя положение внешнее и внутреннее, что соответствует выделенному критерию 2.

В рамках теории международных отношений возможно выделить существование указанных мер и контрмер государств, сходных по происхождению в контексте своей природы власти (критерий 1) и по теории секьюритизации не менее оперативно воспринимавших политические решения других суверенов (критерий 2). Потому не исключено, что существует черта или характеристика, объединяющая национальное государство и иные формы политической самоорганизации, проявившаяся в предшествующий таковому период. А, стало быть, возможно рассмотреть субъектов внешней политики постклассического периода (термина, более полно описывающего временной промежуток с V по XV вв., чем более

центричный по отношению к средиземноморской цивилизации конструкт «Средневековье», а потому и далее используемого в сходном контексте в работе) с точки зрения проявления характеристики, указывающей на соответствие данным чертам.

Итак, господствующей в описываемый период формой политического устройства выступала фигурация, обозначенная Марком Блоком как «феодалное общество», которую, цитируя «фразу из капитулярия 810 года», автор характеризует следующим образом: «Пусть каждый господин заставляет подчиняющихся ему быть послушными и согласными с королевскими указами и распоряжениями». С целью реализации заявленного порядка «нужно было, во-первых, сделать вассальные отношения законом, а во-вторых, обеспечить им ту стабильность, благодаря которой они могли стать опорой государства» [3].

Обозначенная впоследствии в «Феодалном обществе» в качестве «самой характерной черты той эпохи» иерархия может считаться определяющим мотивом международной деятельности, что в аксиоме LXXXI отметил Джамбаттиста Вико: «Таково свойство Сильных: приобретенное силою не уступать по нерадению, но отдавать понемногу только под давлением необходимости или ради пользы, и притом как можно меньше», но чему в иной аксиоме придал более мягкое значение: «люди естественно стремятся оказывать благодеяния (*beneficia*), из которых они рассчитывают удержать или извлечь значительную пользу: именно таковы благодеяния, на которые можно надеяться в гражданской жизни», и две аксиомы он далее назвал «неиссякаемым источником Феодов». И вполне вероятно именно «из этой необходимости и возникла идея использовать в интересах государства уже сформированную сеть личных подчинений; на всех ступенях иерархии ответственным за «своего человека» становился хозяин-сеньор, он должен был подвигать подданного на исполнение долга» [5].

Однако примечательна и ещё одна более ранняя аксиома LXIX, гласящая, что «образ правления должен соответствовать природе

управляемых людей». Несмотря на выделенные Марком Блоком и Люсьеном Февром истоки генезиса института клиентелы и в предшествующие не только Средневековью, но и господству Рима в Средиземноморье (те же *gising* в качестве *comes* у Тацита или *ambacte* у Цезаря [3], используемые при описании сервитута у галльских и германских народов), «превращение "благородных" по факту в "благородных по праву"» происходило в существенном противостоянии захватчиков и захватываемых, а лучше сказать «защищаемого и защищающего», правда, защита защищаемому предоставлялась от самого защищающего – комендации [3, 416], что нашло отражение в обозначенной А. Я. Гуревичем альтернативной первой фигурации сущности – «крестьянской цивилизации» [7]. Хотя ещё его педагог А. И. Неусыхин в работе «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв.» выводил противопоставление владельца земель и их обитателей, международно-политическая роль и субъектность подобной организации значительно уступает слаженности иных рассматриваемых структур [14]. Народ в толковании Франсиско де Суареса как «народный субъект» при обретении независимости в первую очередь влияет на внутривнутриполитическую повестку владельца территории, которую контролирует [20]. Это вызывает реакцию уже феодального суверена и соответствующую реакцию сторонних сил, но влияние даже самого организованного из возможных народных способов самоорганизации недостаточно снабжено политическим децизионизмом в учении Карла Шмитта [30]. Потому народная самоорганизация не может быть признанной предрасположенной к долгосрочному сосуществованию с традиционными акторами в международном процессе, но способна к самовоспроизведению и представляет собой субстрат для существования иных форм политической организации.

Потому надлежит обратиться к фигурации, расположившейся между параллельными Феодальным Обществом и Крестьянской Цивилизацией. Как

отмечает Марк Блок, «для второго периода феодальной эпохи характерна тенденция к образованию больших человеческих коллективов и более отчетливому осознанию того, что само по себе общество имеет некие скрытые тенденции, которые со временем выходят на поверхность, и тем самым формируется новая реальность». Тогда «формировалось не только государство», ведь «в это же время формировалась и родина» [3]. Указание на патримоний отсылает к, казалось бы, утерянным в веках переустройства римского мира представителей патрициев. Во всяком случае, такими они предстают в хрониках и повседневных структурах североитальянских коммун, хотя их действительное происхождение вряд ли можно отсчитывать дальше тёмных веков. Но при допущении данной общепринятой эпистемы, для исследования представляется целесообразным выделить на их основе третью фигурацию – Городское общество.

Косвенно автором термина можно обозначить Жака Ле Гоффа, утверждавшего, что «из разнообразных социальных элементов город создавал новое общество», которое «также принадлежало к обществу феодальному» [13, 95]. Впрочем, склонен он и к выделению большего антагонизма: «феодализму часто противопоставляли городское движение», ведь «своей политической организацией, коммунной, оно действительно было нередко направлено против сеньоров».

Сеньоры же (или как их разумно называть при описании Италии, нобилии), в чём-то напоминая баронов Западной Франкии и племенные герцогства Восточной, подобно первым стремились закрепить своё господство над территориями и их хозяйствующими субъектами, притом вместо затратных ресурсно и технологически замков возводили характерные для инфраструктуры итальянских городов аналоги – башни, разделявшие города на буквально районы влияния, называемые в Италии консионе [13, с. 86].

Но следует отметить, что цикл жизни итальянских представителей Крестьянской Цивилизации был отличен от североевропейского, ведь

«западное средневековое общество было крестьянским, которое, как и всякое крестьянское общество, включало в себя незначительный процент горожан и над которым в случае только христианского Запада доминировала суперструктура, определяемая термином «феодализм» [3]. В Италии же регулярная сезонная смена характера труда жителей приводит к выделению приоров. Приоры представляют собой не привязанные к обслуживаемыми ими земельными и хозяйственно-техническими наделами крестьянские общины, а вышедшие из них на сезон (а порою оставшиеся навсегда) работники, которые объединяются в приораты и зовутся пополанами – от итальянского «народный». Далее представители пополанов добиваются участия в политической жизни городов. Как ни парадоксально, партия Медичи, далее в историографии представляемая воплощением нобилитета, изначально представляла интересы пополанов.

Этот долгий процесс борьбы между пополанами и нобилиями приводит к формированию итальянского коммунального самоуправления, а оно представляет собой форму коллективного феодала как во внутривполитическом регулировании, так и в исполнении внешнегосударственных функций.

Если Жорж Дюби дал феодализму определение «ментальность, дух эпохи, «d'espirit» [10], то Жак Ле Гофф более существенно различал воззрения феодалов и городских элит. В соответствии с его точкой зрения, «ментальность горожан, по крайней мере вначале, отличалась эгалитаризмом, основанным на горизонтальной солидарности, объединявшей людей благодаря клятве в сообщество равных» [13]. Вот уж действительно, «воздух города делает свободным», пусть и спустя «год и один день», а «горизонтальность» соотносится с идеей выделения гильдий, цехов и непосредственно итальянских их вариаций приоров. А вот «феодалная же ментальность, тяготевшая к иерархии, выражалась в вертикальной солидарности, цементируемой клятвой верности, которую низшие приносили высшим», что существенно противоречит неравенству (хоть различие

гражданина, дожа, купца и ремесленника было для современника очевидным) [13]. Также под горизонтальным характером связей подразумевалась коллегияльность и выборность представителей элит.

Однако равенство скорее следует воспринимать как иной характер организации. Так, «над деревенской чернью, а иногда и над горожанами, исконно живущими на этой земле, возвышался правящий класс, состоявший преимущественно из захватчиков, к которым присоединялась и некоторая часть местной знати, этот класс представлял собой своеобразную экзотическую колонию, управляемую столь же экзотическими законами» [15], а экзотичность и позволяет выделять способ организации коммун как предмет исследования.

Следует также отметить, что выделение коммун происходило и в иных регионах. Из хроник торжество пополанов зафиксировано в Средней Италии (Аррецо, Лукка, Павия, Флоренция – в трудах Джованни Виллани [6]), в Южной Италии (Сицилия, Палермо – в работах Бартоломео Сакки [29]), в французских городах (в работах Гвиберта Ножанского [19]), в бельгийских агломерациях, в немецких имперских городах. В связи с подобным разнообразием, необходимым представляется (следуя методологии Р. Коллингвуда и Д. Вико) выделить соответствие или несоответствие заданным в начале исследования критериям отличительных черт указанных форм коллективного феодала.

Итак, итальянские коммуны не были единственным феноменом города, управляемого конгломератом социальных групп. Недаром Жак Ле Гофф в «Цивилизации средневекового запада» отмечает, что «наиболее урбанизированными районами Запада» являлись «Северная Италия, на которую выходили альпийские и морские средиземноморские пути, Северная Германия и Фландрия, на которые замыкалась торговля восточными товарами, и северо-восточная Франция» [13, с. 94].

Действительно, коммунальное движение в Европе представлено рядом отдалённых физически но схожих географически городских агломераций:

французские города добивались независимости уже к началу XII в. (права города были выданы Лану ещё в 1128 г. по Хартии вольностей [25], восстания 1112 и 1116 гг. в Монпелье и Тулузе гарантировали и им права [21]), а также немецкими имперскими городами (Нюрнберг, Любек) или фламандскими торговыми городами (Гент, Брюгге). Потому существенным представляется выделение критериев, отличающих коллективного феодала в его внешнеполитическом функционале от сходных по качественным характеристикам сущностей. Два основополагающих критерия могут быть сформулированы следующим образом:

1. Коллективное самоуправление подотчётными территорией, населением, хозяйственными и военными ресурсами.
2. Самостоятельное участие в международном процессе в качестве признанного другими игроками актора

Притом есть и третий, относящийся не к содержанию понятия, а к временным и семантическим рамкам работы: существование в хронологических рамках XII-XIV вв.

При сопоставлении форм коллективного феодала и проявляемых ими черт, соответствующих или противоречащих положениям критериев, классические методы сравнения и исторического анализа эмпирического материала хроник и нормативных актов целесообразным представляется применение методологии «Поиска подобий» Мишеля Фуко. Действительно, название профильного исследования «Слова и вещи» [24] явно отражает и разрешает дилемму Р. Коллингвуда о методе «клея и ножниц» и сокращает вероятность допущения ошибок мышления [11].

Первый тип подобия, «convenientia» или «пригнанность» характерен для сравнения географических и физических условий, буквально «сходством места, пространства, в котором природа разместила эти две вещи, следовательно, подобием их свойств», в результате чего «из этого контакта рождаются путем обмена новые сходства, устанавливается общий порядок». Действительно, выделенная Ле Гоффом и Марком Блоком общность

физических условий размещения городов (будь то удобный для морской торговли залив или характерная для специализированных ремёсел экосистема) вполне может считаться «пригнанным» сходством.

Второй же тип, «aemulatio», «соперничество», отражает не столько конкуренцию, ведь «Здесь имеется в виду нечто подобное тому, как если бы пространственное сочленение было бы порвано и звенья цепи, разлетевшиеся далеко друг от друга, воспроизводили бы свои замкнутые очертания согласно сходству, без всякого контакта между собой». Именно учёт разбросанности и различия представителей коммунального движения позволяет более сдержанно сопоставлять объекты и способ, согласно которому «посредством соперничества вещи, рассеянные в мире, вступают между собой в переключку».

Третий путь соединяет первый и второй в «анalogии». Она «обеспечивает удивительное столкновение сходств в пространстве; однако она говорит, подобно пригнанное, о взаимной пригонке вещей, их связях и соединениях». Посредством аналогии удаётся выйти на сходства и различия не столько географические, сколько смысловые, семантические (будь то путь обретения автономии или характер внешней функции).

Но более раскрывает семантическую сторону четвёртый тип – «симпатия». Пусть она и «обладает опасной способностью уподоблять, отождествлять вещи, смешивать их, лишая их индивидуальности, делая их, таким образом, чуждыми тем вещая, какими они были», следование данному типу приводит к состоянию, в котором «никакой путь не предопределен заранее, никакое расстояние не предположено, никакая последовательность не предписана». Как ни парадоксально, выделяемая в подтип автором «антипатия» предопределяет объективность в сопоставлении. Соединение указанного методологического аппарата при сравнении форм коллективного феодализма сформировало выборку из субъектов и суждениях об их соответствии и несоответствии критериям.

Итак, французские коммуны с переменным успехом соответствовали первому критерию (по характерному и для других европейских коммун торговому преимуществу), но не выступали саморепрезентирующим участником международных отношений. Несмотря на промежуточные коллегиальные органы самоуправления, в городе (в особенности на начало удовлетворяющего хронологическим рамкам работы XII века) сеньором выступал епископ (подобную тенденцию возможно обнаружить и на закате коммунального движения в Италии). Притом характерен случай нормандского епископа Годри, правившего Ланом. Хронист и современник описываемых событий Гвиберт Ножанский живо описывает его деспотичное управление и злоупотребления наряду с делами в других его ленах, что смещало внимание сеньора с управления Лана на его экономическую эксплуатацию во благо военных авантур [19]. Потому с выплаты даров от города в пользу Годри и началась эпоха внутренней (что немаловажно) независимости города, которая касалась в первую очередь налоговых отчислений и вовсе права собственного судопроизводства (как следует из «Пожалования коммуны жителям города Лана Людовиком VI») [25]. Однако и заверена она была королём Людовиком VI, и по просьбе самого же Годри королём упразднена [19]. Подобный набор черт не позволяет признать данное проявление коллективного феодала соответствующим статусу актора международных отношений, но делает возможным заключение: коммуна была наделена своим статусом государством, оспаривалась единоличными феодалами короля и в итоге была поглощена укрепившейся в XIV веке монархией – национальным государством.

Фламандские города (после битвы при Куртре, недаром прозванной «битвой золотых шпор», отображая контраст между отличительными признаками знати и простолюдинов [15]) наоборот выступили против французского короля и завоевали независимость, самостоятельно осуществляли торгово-экономические связи, проводили военные кампании. Притом несмотря на избрание ремесленными и гильдейскими кругами,

основополагающим органом являлся единоличный правитель (к примеру, представитель гильдии ткачей Питер де Конинку), которому в соответствии с «пронизывающей всю структуру средневековья иерархией» [3] приносили присяги остальные фигуры города (как в случае и с Вильгельмом Ипрским: «Вильгельм в самом деле принял на Ипрской ярмарке оммаж от купцов, приехавших со всей Фландрии» [2]). Несоответствие первому критерию (несмотря на разительное удовлетворение второго) не позволяет рассматривать сущность в качестве формы коллективного феодала, но сближает процесс и характер рождения независимой от прежнего суверена коммуны с итальянскими городами.

Немецкие имперские города были наделены правами на внутреннее самоуправление и проведение собственной внешнеторговой деятельности, но опять же поставляли войска центру и были представлены одним правителем (что порой было характерно и для североитальянских коммун, вопрос лишь в выборности должности), которому приносили присягу чуть более обширные по составу ленники. Формально находились под юрисдикцией имперского центра, а потому не были приняты международным сообществом в качестве отдельного суверена, во всяком случае в период с XII по XIV вв.

Архив хроник полнится и дарованными грамотами городов различных регионов Европы: есть в нём «Статут Дубровника 1272 года», положения шведских городов, «Хартия, данная городу Оксфорду в 1156 г. Генрихом II Плантагенетом» [26]. Основопологающей причиной их исключения из тематического охвата работы является ограниченность внешнеполитической самостоятельности муниципиев из-за их подотчётности традиционному актору.

Большой интерес для исследования составляет феномен итальянской коммуны. И в мирное время при установлении господства патрициата над приорами города, и в период военного и политического противостояния с государственной машиной Священной Римской Империи, проявились оба критерия: коллегиальный порядок формирования органов власти и даже

военных подразделений, равно как и субъектность при определении внешней политики в регионе.

Коммуны севера Италии пришли к формированию в XII веке, но коммунальное движение брало верх над сеньоратом и в городских агломерациях Средней и Южной Италии, пусть хронологически позже и на менее длительный непрерывный срок, но семантически обретали статус актора, ведь меняли повестку и признавались рядом других участников международного процесса.

Примечательно так же, что коллегиальность органов как политическая особенность выступает преимуществом как для её носителя, так и для суверена-современника. “The court passes judgment; not the lord” – такая доктрина внесена в собрание британских хроник «Monumenta Historica Britannica» [6], и действительно, легитимация решения через недеспотический по натуре орган выгодна монарху. Английский хронист XII века Роджер Ховеденский в своей «Хронике» приводит подтверждающую её фразу Генри II Плантагенета в отношении решения суда о судьбе Томаса Беккета: “Quick, quick, hasten ye to get me a judgment” [28]. Притом впоследствии король отрицал свою непосредственную вину в убийстве Томаса Кентерберийского, а возложил её на исполнителей. Описывая важность коллегиального органа, Марк Блок отмечал границу, «которую власть главного могла положить беспристрастности судей, и вместе с тем ту невозможность для самого властного из тиранов обойтись без коллективного решения» [3]. Стало быть, «коллективное решение» выступает балансиром и мимикрирует под шаг голубя, а не ястреба из терминологии теории игр в применении к анализу международных отношений, по сути являя собой сходный с единоличными решениями суверена, но воспринимаемыми как более сдержанное благодаря характеру принятия решение.

В дополнение к коллегиальной иллюзорности решений, ещё одну теоретическую политико-философскую структуру вывел Джамбаттиста Вико, обозначив цикл жизни политической формы. В соответствии с его

воззрениями, «вся жизнь наций полностью протекает соответственно установленному порядку через три, и не больше, вида гражданских государств, которые все берут свое начало в первых, то есть божественных, правлениях». Пусть при восприятии положений следует учитывать контекст: возвышение абсолютных монархий, наследие аристотелизма, откуда и при некоторой лингвистической трансформации и заимствованы (при многочисленных аллитерациях и цитированиях трудов Аристотеля самим Вико) категории государств, зарождение этнопсихологии и историософии. Но примечательны переходы и их обоснование: «Повсюду с них начинаясь как бы из оснований вечной идеальной истории должен вытекать следующий ряд вещей человеческих: сначала — республики оптиматов, потом — свободные народные республики и, наконец, монархии». А более подробно он видит это следующим образом: «Правления начались с одного в семейных монархиях, затем перешли к немногим в героических аристократиях». Но не менее парадоксальным представляется прогноз: «Они [правления – прим. автора] распространились на многих и всех в народных республиках, где или все, или большая часть образует общественный разум: наконец, они вернулись к одному в гражданских монархиях». Учитывая специфику и остроту борьбы между гражданским движением пополанов и синьориальными амбициями нобилиев подобный вывод пусть и не лишён догматичности, но явно нуждается в верификации.

Путь же монархического транзита Д. Вико рассматривает следующим образом: «После того как в свободных республиках все предалось соблюдению своих частных интересов, которым они заставили служить свое общественное оружие во взаимном истреблении наций, тогда, чтобы сохранились нации, появляется один единственный человек, как, например, Август у римлян, который силою оружия берет на себя все общественные заботы и предоставляет подданным заботиться о своих частных делах; у подданных остается та забота о делах общественных и лишь постольку, какую и поскольку им разрешает монарх». Предположительно роль Августа

подходит под описание Джангалеаццо Висконти в Милане, Готье VI де Бриенна или Пьетро Сакконе Тарлати для Аррецо, равно как и иных подеста и синьоров, временно или династически обретших право правления в изначально народных республиках.

При этом заметен в его последующей аксиоме ХСV и след умозрений Тацита: «люди сначала стараются выйти из подчинения и жаждут равенства, – таковы Плебеи в Аристократических республиках, которые в конце концов изменяются в Народные. Потом они стараются превзойти равных, – таковы Плебеи в Народных Республиках, искажающихся в Республики Могущественных. Наконец, они хотят поставить себя выше законов, – отсюда Анархии, т. е. Разнузданные народные Республики; нет худших Тираний, чем они; в них столько тиранов, сколько в государстве наглецов и развратников». И неудивительно следующее предсказание: «тогда Плебеи, ставшие осторожными вследствие собственных несчастий, находят исцеление от них в Монархиях» [5].

Но и это не финал коммунального самоуправления. Далее в трактате Вико гарантирует народным коммуна́м как одной из форм политической организации почётное место в процессе формирования последующих типов актора международных отношений: «естественно смешиваются государства, но уже не по форме (тогда они были бы чудовищами), а так, что позднейшие формы государств смешиваются с первоначальными формами правлений». Заявление это во многом перекликается с изначально высказанным в работе предположением о наличии сходных черт у национального государства и коллективного феодала, позволяющих рассуждать об их международной субъектности

В итоге, коллективный феодал представляется как субъект международных отношений, способный влиять на повестку и содержащий черты национального государства, ведь является промежуточной стадией политической организации после единоличных форм правления и до абсолютных монархий.

Исторически характеристики коллективного феодала были присущи многим коммунам и городам Европы XII-XIV вв. Однако одновременно внутренне коллегиальными (критерий коллектива) и внешне достаточно влиятельными (критерий актора) можно считать лишь коммуны Италии благодаря соответствию обоим критериям.

Ряд исследователей выстраивали историософские концепции участия граждан в процессе принятия решений коммунами через призму абсолютистских и реформационных воззрений (на что указывает время создания произведений Д. Вико и Ф. Суареса) и интересов национального государства (которое они превозносили в качестве итоговой точки развития политической организации), из-за чего восприятие коммун и коллективного феодала может не хватать более прагматичного взгляда, подкреплённого скорее фактологическим и эмпирическим материалом, чем метафизическими рассуждениями.

После определения контекстуальных и семантических рамок исследования надлежит изучить практическую сторону предмета исследования и на основании положений историографических данных проследить соответствие обозначенным выше историософским флуктуационным концепциям субъекта познания исторического процесса.

2 Формы коллективного феодала во взаимодействии с другими субъектами международного процесса

Первые и наиболее характерные свидетельства о генезисе и проявлениях коммунального движения в городах Северной Италии носят экономический характер. В ходе косвенной научной полемики в цехе анналистов, Ж. Ле Гофф деликатно отмечал: «Анри Пиренн великолепно показал, что средневековый город зародился и получил развитие благодаря именно своей экономической функции». Развивая мысль, он полагал, что «городская жизнь питалась ремесленной и торговой активностью, тогда как феодализм жил за счет поместья, земли» [13].

На пике своего могущества итальянские прибрежные коммуны «в ряде городов малоазийского побережья, как и в Константинополе, перед Четвертым крестовым походом укрепились итальянские торговцы и фактически превратили их в свои колонии (Пиги, Лопадий)» [17, с. 25]

Встречается и реакция греческих правителей на торгово-экономическое преобладание итальянцев, но с ней всегда было возможно эффективно бороться. Так, «предшественник Ватаци Феодор I Ласкарь из политических соображений заключил (1219) с венецианцами невыгодный договор, по которому венецианские купцы могли торговать в его владениях чем угодно безданно и беспошлинно, причем царская власть гарантировала сохранность имуществ умерших в Никейском царстве венецианцев; никейские же купцы не пользовались этими правами в латинском Константинополе». У Никейской Империи в начале XIII века было достаточно вызовов, чтобы согласиться на столь невыгодное соглашение. Однако далее с укреплением власти приходили и более существенные меры: «Ватаци же, столь заботившийся о флоте и о своем влиянии в Архипелаге, по-видимому, круто начал охранительную таможенную политику, граничившую с запрещением ввоза мануфактур» [22]. Хоть и сам Ф. И. Успенский отмечает, что «экономические последствия запретительных мер Ватаци неизвестны», он

всё же приходит к выводу, что «итальянские купцы продолжали ездить в его владения хотя бы для покупки греческих товаров; известен случай – правда, несколько позже смерти Ватаци – ареста купцов из Лукки, привезших с собою много денег».

Другой стороной являлось невоенное противостояние с другими государствами региона. Наиболее сильное влияние оказывала претендующая на господство в регионе Священная Римская Империя. Подавляющее большинство источников кульминацию внешней функции Итальянских коммун связывают с противостоянием походу Фридриха Барбароссы, но и его предшественники стремились разыграть лангобардскую карту. Так, среди мотивов самого Фридриха (обозначенных хронистом Оттоном Фрейзингенским в формуле «господин папа и вся Апулия, Италия и Лангобардия неизменно желают нашего прибытия и настоятельно просят со всяческой преданностью, чтобы мы пришли к ним на помощь с нашими императорскими силами» [9]) возможно выделить тот факт, что Конрад III, второй сын и наследник Фридриха I, по причине очередного обострения отношений в процессе противостояния Папы и Императора не был коронован в Риме, выступавшем финальной точкой (в отличие от выполнивших аналогичную функцию Ронкальских полей под Пьяченцей) Барбароссы [4].

Однако отражение в итенирариях получили деяния других немецких королей. Так, Випо Бургундский в «VITA CHUONRADI II. IMPERATORIS» описывает особые отношения между Миланом (в лице архиепископа Ариберто д' Интимиано) и Конрадом II, выделяя особый сервитут и услужливость первого по отношению ко второму: «Туда архиепископ Миланский Гериберт вместе с остальными знатными людьми Итальянского королевства прибыл и принес свою клятву на верность и заложников в залог [того], что когда [Конрад] пойдет с войском в Италию, он сам его примет и вместе со всеми своими государем и королем публично провозгласит и тотчас коронует» [8]. Также хронист отмечает инцидент с послами Павии:

«Этому примеру остальные лангобарды последовали, за исключением тичинцев, что по-другому называются павийцами, которые послов отправили с дарами и дружбой, чтобы короля за оскорбление, нанесенное ему жителями города, они умилиствовали, однако достичь этой милости у короля, несмотря на свое стремление, никоим образом не смогли». Причиной выступило жестокое подавление Генрихом восстание Павии против имперского владычества в 1004 г., а итогом стало завоевание Императором вольного города Павии [8].

Притом также упоминает Випо, что «оставивший землю с миром» Лев, епископ Верчелли, выступал союзником Оттона III и Генриха II, притом отмечая, что « в это время большая беда произошла в Италии из-за того что упорствовали павийцы», далее эпистолярно описывая методы, которые привели к капитуляции Павии в 1027 г.: «многие их церкви вместе с их замками были сожжены и народ, который там искал убежища, погиб от огня и меча; земли были опустошены, виноградники были уничтожены; король пресекал вход и выход, суда отнял, наложил запрет на торговлю и таким образом через два года сокрушил всех павийцев, покуда всё, что он предписал, они после всех проволочек не исполнили». Итак, синьор города открыто поддерживает союзнические и вассальные отношения с главами сопредельного государства, в то время как «народ» (а значение его отличается от общепринятого современного социологического и трактуется ближе к «мелкой непотомственной аристократии») выступает против немецкого владычества уже в начале XI века, но проигрывает прямое неравное военное столкновение, и потому исполнили всё, что Конрад Flagellum Dei предписал городу [8].

Однако несмотря на нанесённый ущерб действия Конрада II имели и положительное воздействие на подъём коммунального движения в Италии. Описывая длительное противостояние между ленниками разных уровней вертикальной иерархии, Марк Блок указывает, что «объединенные клятвой, подвассалы Милана и его окрестностей нанесли армии баронов

сокрушительный удар». Здесь заметна важность Милана для Германии «Новость о волнении достигла короля-императора Конрада II в его далекой Германии и вынудила его приехать», после чего по ордонансу 1037 г. «распорядился, чтобы все бенефиции, данные сеньорами светскими или церковными - епископами, настоятелями и настоятельницами, переходят в потомственное владение и наследуются сыновьями, внуками или братьями точно так же, как и расположенные на этом феоде подфеоды» [3].

Что касается преемника Конрада Генриха III и Южной Италии, то итоги похода в чём-то можно считать сходными: коронование в Риме, посажение своего ставленника на Святой Престол и перераспределение баланса сил на территории герцогства Апулии и Калабрии [16]. Что примечательно, Император играл на противоречиях городов и владельцев в регионе и, к примеру, уравнивал в правах Салернского и Капуанского князей с герцогом Апулии и Калабрии Гвемаром IV, стремясь ограничить размеры владений крупных вассалов уровня герцога. Ведь «Крупные феодалы всегда опасны и подозрительны для монарха, поэтому король искал против них управы в союзе с их собственными воинами» [3].

Также на севере Италии у короля были могущественные соперники. Хоть борьба за инвеституру будет полномасштабно инициирована лишь его преемником, противоречия между двумя мечами власти, светской и духовной, проявились и при нём. Но и владельцы верхней лотарингии, а вернее их владения и перспективы сближения с каносским домом представляли для Генриха интерес. В поисках союзников против Готфрида Лотарингского и Беатриссы Тосканской (равно как и её дочери Матильды, сыгравшей ключевую роль в последующих итальянских событиях) Генрих наделяет города рядом привилегий в надежде привлечь их на свою сторону.

Несомненно, учитывая прежние успехи в итальянских походах, развитие городов при внутренней стабильности Империи вполне могло быть вновь регулируемо её правителями и направлено ей на пользу. Однако как бы

Генрих не готовил свои новые владения к передаче потомкам, судьба их была незавидной.

Генрих V встретил на в качестве Папы Римского достойного противника. Доктрина *prima sedes a nemine judicatur* возвышает Святой Престол над Императорским, не менее экспансионистскими можно считать и последовавшие буллы Григория VII, юридически и праксиологически оформлявшие начало супрематии. Не менее существенным вызовом можно обозначить и *Pax et treuga Dei* как попытку ограничить сферы применения силы государством и его подданными [4].

Ранее освещённая в работе важность коллективного органа и института ритуала употреблялась для обоснования легитимности политических решений светских правителей, но отныне и духовный глава сумел дезавуировать феодальные обязательства по отношению к императору. Что примечательно, при Хождении в Каноссу соблюдение ритуала покаяния Генрихом IV не даёт Папе права не принять раскаяние, что вновь показывает взаимные обязательства ритуала и роль его исполнения для принятия внешнеполитических решений, определяющих направление движения мысли целых эпох.

И ранее испытывавшие сложности с внутривполитической борьбой с швабскими баронами правители Священной Римской Империи теперь после каносских событий были вынуждены погрузиться в усмирение внутренних неурядиц. Города же, оставленные их главными сторонами влияния (Папой и Императором) наращивали обозначенную в начале экономическую функцию, ускоряя внутривполитические процессы формирования народных республик, тем самым проявляя и международную самостоятельность, реализовывая святое феодальное право убивать себе подобных в масштабе городов и прилегающих территорий.

В итоге, Генрих IV и Генрих V, сконцентрировавшие усилия на внутренних германских делах, дали Итальянским коммунам важный для них ресурс – время. После восстановления единства власти (пусть и с подачи

партии Вельфов) Лотарь II вновь отправился в Италию, ставшей полем битвы между Императором и Папой. Однако впервые за долгое время поход не увенчался успехом и завершился перемирием между противниками. Павии не хватило по большей части именно исхода, отличного от поражения, и теперь впереди стороны ожидали кульминации противостояния.

Итальянский поход Фридриха I Барбароссы широко освещён в эпиграфических источниках, и определяющим для характеристики городов является образ поглощения *res publica*, общественной собственности, владениям короля и гибкая внешняя политика реализации собственных интересов. Так, в ходе второго итальянского похода Милан был вынужден оставить свою привилегию чеканки монеты (Эррарий по Д. Вико [5]) и взимать пошлины на использование дорог, наряду с лишением городов других полномочий Ронкальскими постановлениями 1158 г. в пользу имперских викариев и соответственно имперской власти.

Подобная угроза нивелировала вторую характеристику, предоставив перспективу объединения усилий в своеобразном альянсе, названным по региону расположения городов, наиболее в перспективе пострадавших от эдиктов Фридриха – Ломбардской Лиги. Впоследствии мир в Констанце будет подписан между Фридрихом и Лигой. Получается, субъект международных отношений, признанный другими государствами, в том числе в ряде положений нормативного акта, заключившего военное противостояние, учреждает политической альянс, аналогично зафиксированный другими акторами.

Но для мира потребовалось физически и стратегически превзойти на поле боя количественно превосходящего противника. Здесь проявляется коллегиальность как способ организации не только гражданской, но и военной инфраструктуры. Как феодал созывает с сопредельных своему замку владений меньших по срезу иерархии ленников и соответственно его сервов, аналогично призыв города к консионе (районам) выстраивает в чём-то сходную, но более эгалитарную структуру. Руководителями подразделений

выступали *capitano del popolo*, опять же по Вико эпистола «народный» не покидает дискурса.

Мотивация капитанов даже при торжестве социально-антропологического метода и критическом в плане характера анализа источников отношении к периоду героизации ряда их представителей (ведь битва пришла на конец XIX века – период нацистроительства в Италии – и нашла отражение в работах Джузеппе Верди, Сальваторе Каммарано и Амоса Кассоли, культивировавших культуру нового объединённого государство в век подъёма искусственного национализма; вошла она и текст гимна Италии) запечатлена в описании битвы при Леньяно, завершившейся победой войска коммун над имперским. Альберто да Джуссано приписывается личный подвиг по защите каррочо и организационная деятельность по формированию «роты смерти», притом приводятся эти деяния лишь в миланских хрониках.

Но эффект победы возможно проследить в особенностях заключения Констанцкого мира 1183 г. Наряду с подписями потомственных аристократов и представителей так называемых «племенных герцогств» (представлявших альтернативную дому Гогенштауфенов ветвь власти) с немецкой стороны присутствуют подписи представителей местного самоуправления городов Северной Италии в пунктах 41 и 42: «da Milano, Adobato; da Piacenza, Gerardo Ardizzoni; da Lodi Vincenzo; da Verona, Cozio; da Vicenza, Pilio; da Padova Gnaffo; da Treviso, Florio; da Mantova, Alessandrino; da Faenza, Bernardo; da Bologna, Antonino; da Modena, Arlotto; da Reggio, Rolando; da Parma, Giacomo di Pietro Bave; da Novara, Opizzo; da Vercelli Medardo; da Berrgamo, Attone Ficiano», а следом и подпись Императора Священной Империи Фридриха I Барбароссы [12]. За одним столом переговоров оказались представители разных структур Средневекового Запада, и исход оказался благоприятным для итальянских городов.

Отдельно приведённые подписи каждого города, пусть они и объединены в альянс, уравниваются инсигнией помазанного на царство с соблюдением института ритуала императором. Потому Констанцкий мир можно считать фактическим и номинальным доказательством субъектности коммун Италии, равно как и закреплением тех преимуществ, что составляют характеристику их как коллективного феодала и отражают направления их деятельности, внутренней и внешней: свободы в налогообложении, торговле, назначении управляющих и посыльных.

Так или иначе, Священная Римская Империя при объеме своего влияния на Италию не была единственным государством, вступавшим во внешнеполитические контакты с итальянскими коммунами. Корпус византийских (а скорее греческих, ведь после нарушения её единства скрипторы Трапезунда и Эпира также описывали положение дел в Италии) источников и свидетельства сицилийских авторов о них, равно как и вторжение Франции в начале рассматриваемого периода на юг Италии а в конце (обуславливая его конец) на север представляется ещё одним направлением внешней политики итальянских городов.

Однако городам Южной Италии не удалось добиться столь же долгосрочного успеха. Опыт существования в качестве отдельного субъекта международного процесса относится лишь к эпизодам войны Сицилийской Вечерни. Результатом одноимённого события 1282 г. стало изгнание французской администрации с острова и военное противостояние с Карлом I Анжуйским. Хотя для первопроходца теории международных отношений Франсиско де Суареса в контексте его концепции «народного суверена» обретение лидерства над коллегиальным органом не лишает его духа народной республики, деятельность одного лица от имени города представляется частично противоречащим сущности коммуны. Однако если город способен выступать феодалом для подотчётных структур, даже единоличный лидер может быть назначен на выполнение поручений, точно

так же, как король Франции отправил Карла I Анжуйского на итальянский театр военно-политических действий.

Итак, последующая внешняя деятельность Сицилийских городов (в особенности же Мессины) связана с Джованни да Прочида. Будучи выходцем из аристократической семьи, владевшей рядом территорий на полуострове, он имел все основания негативно относиться к французской власти и, по замечанию Бартоломео ди Неокастро, сохранял верность Священной Римской Империи (а именно наследнику Фридриха II Манфреду, физически проигравшего сражение за патримониальное южноитальянское владение). Потому он длительное время искал союзников в освобождении Сицилии, в ряду которых оказались Испанский Арагон (персонально Хайме I и Педро III) и ситуативно недавно вновь появившаяся на картах Византия в лице Михаила VIII Палеолога. Неокастро отмечает заинтересованность греческого императора в ослаблении влияния Франции в восточном средиземноморье, а Испании – в своём аналогичном там усилении. Так или иначе, хронист отводит значительную роль Джованни де Прочида в подготовке и реализации Сицилийской вечерни [16].

Средняя Италия испытала не меньший коммунальный подъём. Описывая поход Генри III, флорентийский хронист Джованни Виллани указывает конфликт горожан с Императором («в 1080 году, когда Генрих возвращался из Сиены в Ломбардию, флорентийцы, которые были на стороне церкви и папы Григория, не захотели подчиниться императору и открыть перед ним ворота, потому что он совершил столько преступлений») и особенности их организованности в ходе инициированной им осады («он пробыл здесь немало времени и много раз пытался взять город, но всегда безуспешно, ибо Флоренция была хорошо укреплена, а среди горожан царили единство и согласие» [3]). Неудивительно, что вылазка жителей положила осаде конец. Итак, Флоренция отстаивала независимость и следующим шагом выступила экспансия за счёт сопредельных земель. Джованни Виллани описывает этот процесс следующим образом: «В 1107

году флорентийцы, видя, что наш город усилился, а жителей в нем и в окрестностях прибавилось, решили увеличить контадо и распространить свою власть вширь, подчиняя, если понадобится, непокорные крепости и замки силой». Первым расширил контадо замок Монтеорланди. «Им владела семья из окрестных дворян; они не захотели подчиниться Флоренции и были разбиты, а замок разрушен и уничтожен». Что примечательно, даже приближённый к аристократической верхушке города хронист описывает методы вполне достойные осаждавшего Флоренцию Генриха III. Следующим владением, вошедшим в зону влияния Флоренции, стал замок Прато, жители которого, по свидетельству Виллани, подняли против Флоренции мятеж (как и сам город по отношению к Императору). Потому «флорентийцы двинулись против них со смешанным войском, осадили, заняли и разрушили крепость». Притом войско представляло собой классическое для высокого средневековья сочетание рыцарской кавалерии и пешего ополчения.

После описания разрушений хронист решает представить читателю население города Прато, «жители которого лишь недавно покинули насиженные места», ведь «это были вассалы графов Гвиди, откупившиеся от них и избравшие себе новое свободное место». Будто продолжая воздействовать на совесть читателя или исполнителя присоединения к контадо, приводит он и объяснение названия: «раньше там был цветущий луг» [6].

Таким образом, коммуна (притом Флоренция – одна из наиболее пополанских вотчин) в контексте внешней политики действует как классический единоличный феодал в высоком средневековье: расширяет своё влияние за счёт прилегающих территорий, даже исполняя это сходным с ленниками северо-западной Европы методом и составом войска.

Существенно воздействие и актора иной природы – Папства – на внутренние и внешние дела коммун. Так, из-за обострения религиозных прений во Флоренции дело «дошло до вооруженных стычек между горожанами в разных концах Флоренции, и эта чума бушевала много лет,

вплоть до пришествия орденов святого Франциска и святого Доминика, которым папа поручил вершить суд над еретиками» [6]. В этом заключается ещё одно сходство коллективного и единоличного феодала – признание юрисдикции Папы на духовные дела и инвеституру (в конкретные периоды и в определённой степени).

Совместные действия городов носили не только оборонительный характер. Хотя сарацины и представляли для Италии долгосрочную угрозу, известен эпизод пизанской экспедиции на Майорку, находившуюся в то время под арабским владычеством. Наиболее выразительным аспектом предприятия представляется стремление Лукки нанести удар по Пизе в момент отсутствия армии коммуны. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что «пизанцы не решались двинуться дальше, опасаясь за судьбу Пизы, но и отказаться от похода казалось им постыдным после стольких затрат и приготовлений». Несомненно, и Ломбардская Лига впоследствии будет сформированы с целью защиты собственной территории, но до второго итальянского похода Фридриха I Барбароссы ещё полвека. вердикт Пизы был следующим: «они решили направить посольство к флорентийцам, с которыми в то время были очень дружны, и просить их, как верных союзников и братьев, чтобы они охраняли город». Далее Виллани приводит сведения, свидетельствующие о составляющих кодекса чести своей эпохи и демонстрации дружественных отношений между городами: «чтобы не задевать чести пизанских женщин, флорентийцы не входили в город и запретили своим людям входить в Пизу под угрозой смертной казни», в подробностях описывая и обмен любезностями при исполнении указаний флорентийской аристократии, равно как и дары Пизы, добытые им на Майорке.

Несмотря на явное описание вполне разрушительных походов, во второй книге хроники Виллани вольно или невольно обосновывает распространение флорентийского влияния на сопредельные земли. Прежде анализа соответствующего фрагмента следует отметить итальянскую

литературную традицию соединять Аттилу и Тотилу в один разрушительный образ, потому события, описываемые Виллани как предтеча флорентийского анабасиса. Итак, в главе «о том, как Флоренция пролежала в развалинах 350 лет», Джованни пишет: «После разрушения Флоренции Тотилой, Бичом Божьим, о котором мы говорили выше, ее руины оставались пустынными почти 350 лет из-за упадка Рима и империи, каковые пережили нападения готов, вандалов, лангобардов, греков, сарацин и венгров». Действительно, расположение Северной Италии на пересечении миграционных путей народов, оказавших непосредственное влияние на Я-не-Я идентификацию средневековых фигураций [3], негативно отразилось на её благосостоянии. Но врагами скриптор считает не только внешних интервентов, но и бывших соседей: «За то время, что город лежал в развалинах, обитатели поселка и рыночного городка много раз хотели огородить рвами и изгородями часть города вокруг собора с помощью нобилей контадо, происходивших от первых обитателей Флоренции, а также жителей окрестных деревень». Это позволило бы обезопасить границы собственного контадо (примечательно, что происхождение термина можно производить к среднеитальянскому «comitatus» - аналогу общеевропейскому трактованию «графства»). «Однако горожане Фьезоле, а с ними графы Мангоне, Монтекарелли, Капрайя и Чертальдо, которые были одной крови с графами Сантафьоре, потомками лангобардов, препятствовали им восстановить город и, приходя с большими силами, оружием заставляли снова разрушать все выстроенное». Казалось бы, могущественная впоследствии Флоренция испытывала гнёт не самых часто упоминаемых в исторических хрониках Фьезоле и соответствующих городов.

Поддержка лангобардов здесь не случайна: именно в связи с её оказанием указанные роды «были сильнее всех соседей, они не позволяли отстроить Флоренцию». Если у Венеции была природная граница из гряд заболоченной и испещрённой водоёмами местности, в которой физически было невозможно содержать и вести войско, а второй стеной выступал её флот, теллуократической Флоренции приходилось полагаться на стены

города и храбрость жителей. Потому хронист столь много внимания уделяет эпопее противостояния Флоренции и родов Фьезоле.

Однако экспедиции снабжали против итальянских городов и другие государства средиземноморья. Никита Хониат описывает деяния императора Мануила и обосновывает его мотивы вовлечения в итальянские отношения следующим образом: «Ему казалось очень возможным, что все западные народы составят союз против римлян, сговорятся между собой и войдут в одно общее против них соглашение, а потому он всячески старался заблаговременно обезопасить себя». Добиться этого он стремился выстраиванием двусторонних отношений с коммунами, «поэтому жителей Венеции, Генуи, Пизы и Анконы, а равно и все другие народы, рассеянные около моря, он располагал к дружбе с римлянами, заключал с ними клятвенные договоры, старался привлечь их к себе всевозможными знаками дружелюбия и с предупредительностью давал им приют в царственном городе». Более измеримое воздействие автор отражает далее: «а чтобы кто-нибудь из так называемых у них королей не усилился и потом не напал на римлян, он тот народ, которому угрожала опасность подпасть под владычество государя более сильного, поддерживал денежными подарками, приучал к войне и возбуждал к сопротивлению». Во-первых, в качестве «так называемых у них королей» грек мог воспринимать временно правивших городами подеста (приглашаемых извне иностранцев с благой целью недопущения коррумпированности местных представителей аристократии). Во-вторых, баланс сил, ранее предписываемый действиями единственно коммун, может быть осуществляем в том числе и с воздействием внешних сил (Священной Римской Империи, Восточной Римской Империи, Папством, Францией и т. д.). В-третьих, «приучение к войне» было дополнено и более конкретными (насколько это возможно утверждать в контексте хроники) чертами: «он часто вооружал итальянцев против алеманского короля Фридерика», вполне удовлетворяя исполнению обозначенных Мануилом ранее целей достижения безопасности собственного государства (и вполне

небезосновательных, ведь менее чем через полвека спустя его государство будет расколото западными крестоносцами, которые буквально «сговорятся между собой и войдут в одно общее против них соглашение») [27].

Но есть и более достоверно зафиксированные шаги Мануила: «кроме того, он и маркиза монферратского, известного по своему высокому происхождению и счастью в детях и имевшего большую силу, склонил к дружбе с римлянами, частью посредством богатых даров, а частью посредством брака его младшего сына со своей дочерью Марией». Речь идёт о Конраде Монферратском, который выступил союзником Византии (по личной семейной Унии) и одержал победу над силами Фридриха I Барбароссы во главе с архиепископом Майнца Кристианом. Хониат отмечает, что «в произошедшем между ними сражении Конрад разбил алеманнов, обратив их в бегство при помощи своей кавалерии, и взял несколько человек в плен, в том числе и майнцкого епископа».

Однако подобное сотрудничество вызывало и ответную реакцию враждующих сторон. Узнав о переговорах между Анконой и Константинополем, «алеманский король по этому поводу исполнился гнева и послал разрушить Анкону, отомстить здешним жителям и наказать их за то, что они заключают договоры с римлянами и принимают в свой город послов, которые, очевидно, действуют во вред ему и отвращают здешние города от расположенности и верности в отношении к нему». Но жители выдержали осаду, в том числе, по уверению государственного деятеля и идеолога Никиты Хониата, благодаря средствам Мануила, который «обрадованный этим событием, как и следовало ожидать, наградил анконцев за все совершенное ими похвалами, присвоил им права гражданские наравне с природными римлянами и обещал им все, что только он мог безукоризненно дать и чего они были вправе просить». Притом далее автор с горечью сообщает, что реализации прав и обязанностей не произошло и анконцы «оставили того, кого вчера и третьего дня признавали своим властителем, и последовали за другим, кто польстил их алчности и удовлетворил их

корыстолюбию и торгашеским расчетам», притом за несколько строф до этого восторгался их «сознанием добра и такого стремления к нему, которое не страшится опасностей и при всех обстоятельствах всегда остается твердым и непоколебимым».

Уже после крушения централизованной византийской империи её наследники продолжили развивать итальянское направление внешней политики, но существенно изменили его вектор, что неудивительно. Хотя идея *Renovatio Imperii* не оставляла правителей локализованных в исторических областях новообразованных государств, масштабы и перспективы её реализации сократились пропорционально располагаемым отныне ими ресурсам [27]. Однако недостаток финансов и воинов сполна компенсировался дипломатией, вокруг которой и фокусировались византийские хронисты, нередко сами выполнявшие функции дипломатов и потому нередко осведомлённые о характере двусторонних и многосторонних связей между итальянскими городами и греческими государствами, равно как и обсуждения итальянской повестки с другими государствами [1].

Рассмотрение внешней политики Никейской Империи при Иоанне III Дуке Ватаци приводит к удивительному наблюдению в духе политики реализма. С одной стороны, он преследует сходную с Мануилом цель – защита целостности государства на фоне обострения отношений с западными державами. Это обусловлено тем, что к середине XIII века Иоанн III Дука Ватаци «явно угрожал Константинополю» из-за политики Фридриха II по поддержанию претензий на владения крестоносцев в Латинской Империи и плацдармы Франции в Южной Италии, в чём интересы германского и греческого монархов были консонантны.

На Италии это отразилось следующим образом: если ранее греческие силы оказывали поддержку коммуна́м Италии в борьбе с императором, то теперь же греки помогали императору в его итальянских походах.

Так, если перейти от теоретических концепций к фактологии, надлежит обратиться к эпистолам Георгия Акрополита, византийского и

никейского хрониста, ученика Никифора Влеммида. Он подмечает, что Ватац смог не только удовлетворить собственные потребности в военных силах, но и послать значительный контингент войск на помощь своему союзнику — германскому императору Фридриху II в Италию» [1, с. 10].

Данные хроники подтверждает выдающийся отечественный историк-византист Ф. И. Успенский отмечает, что произошедшее ранее «отлучение привело к теснейшему союзу германского и греческого императоров». Выразилось оно в том, что «Ватаци посылает помощь Фридриху в Италию сначала деньгами (1248), потом людьми (1250)». Это представляет прямую противоположность деятельности Мануила, а ведь между шагами всего чуть более полувека [22].

Целесообразно отметить, что это решение привело к не менее парадоксальному ходу Иоанна III Ватаци. Отношения Никейской Империи и Эпира (Фессалоникской Империи) традиционно отличались напряжённостью и нередкими успешными военными кампаниями Никеи против Эпира [1, с. 12]. Однако сам же «в 1252 г. Акрополит возглавил посольство к эпирскому деспоту Михаилу II Ангелу, с которым в Лариссе был заключен мирный договор» [1, с. 18].

Итак, третьим государством, но уже косвенно повлиявшим на дела в Италии, является Фессалоникская Империя (Эпир). По свидетельству Ф. И. Успенского, Фридрих II «просит Михаила Эпирского пропустить вспомогательный отряд, посланный царем Ватаци, через эпирские владения», чтобы они способствовали военному успеху Императора в Италии [22].

В переписке Фридриха II и Ватаци первый (в тоне дружеского обмена успехами на своих фронтах) «сообщал никейскому царю о своих победах в Италии с помощью контингентов, доставленных итальянскими городами...», среди которых упоминается Бергамо [22]. Это примечание позволяет прийти к выводу, что не все итальянские коммуны были едины в борьбе с немецким Императором. Однако справедливо и следующее: радость Фридриха II,

вызванная союзническими отношениями с городами Италии, демонстрирует не самую большую распространённость подобной практики.

Однако достойна рассмотрения и зеркальная политика Италии по помощи западным государствам в крушении династии Ангелов. Хотя суда крестоносному войску и предоставляли преимущественно морские республики, они соответствовали тем же критериям коллективного феодала что и замкнутые в итальянских долинах коммуны. В начале XII века в борьбе Феодора I Ласкариса (Императора и основателя Никейской Империи) и Генрихом I Фландрским (Императором Латинской Империи) после нарушения перемирия из-за поддержки вторым противника первого Давида Комнина (Императором и основателем Трапезундской Империи) Феодор I Ласкарис при сотрудничестве с болгарским царём осадил форпост латинян в Киосе. По свидетельству Ф. И. Успенского, при обороне «рыцари защищались как герои, но, сражаясь врукопашную вследствие неисправности городских стен, все были переранены и погибли бы, если бы сам Генрих не явился к ним на помощь на итальянских купеческих судах».

Понимая преимущество итальянцев на море, Ватаци искал перемирия с западными правителями и обратился за помощью к генуэзцам, рассчитывая на их противостояние с венецианцами, способное склонить их к замене факторий Венеции в Константинополе на свои. Но переговоры 1239 г. [22] провалились, города смогли договориться, предложение было отвергнуто: итальянский флот вновь встал на сторону противников греков.

Принятие решения в теории международных отношений можно рассматривать с точки зрения концепций праксиологии и секьюритизации. Среди выделяемых ими факторов есть и количественный критерий: единоличное решение или коллегиальное. Если выделение второго было важно для критерия коллективного феодала, а его преимущества и недостатки уже удалось проследить на примерах, то единоличное решение можно оценивать с использованием опыта Ватаци.

Перед атакой Императора греков на Принцевы острова «начальник флота, опытный Контофре (судя по имени, из латинян), предупреждал Ватаци об опасности нападения на столицу с моря и о превосходстве военного искусства итальянцев». Так был дан совет от подчинённого господину. Но «царь Ватаци, будучи горд за своих греков и доступен придворным льстецам, уволил Контофре и назначил адмиралом не знающего дела армянина Исфре, который был разбит латинянами наголову, притом всего лишь 13 галерами; на каждую свою галеру итальянцы захватили по одной греческой вместе с экипажем».

Принятие политического решения по Карлу Шмитту нелегко, оно требует учёта многих факторов, но в том и заключается черта коллективного феодала как актора международных отношений: снижение вероятности деспотичного решения единоличного правителя, усиление воздействия разногласий в стане обсуждающих.

Греческие государства восточного Средиземноморья вступали в политические и экономические контакты с итальянскими коммунами (притом как в конструктивном, так и в деструктивном ключе – в зависимости от интереса, который они реализовывали), тем самым прочнее вовлекая последних в международно-политический процесс. Они отчасти способствовали обретению городами независимости от прежних монархов-владельцев (города Сицилии получали поддержку в борьбе с французами, Северной Италии – с Священной Римской Империей), притом и склоняли города к своей сфере влияния (описанный Никитой Хониатом случай Анконы), вызывая ответную реакцию коммун – проявление их независимости в принятии решений об отказе сильному игроку.

Однако несмотря на применение мер многосторонней челночной дипломатии Фридриху II, как и его предшественнику, не удаётся подчинить себе коммуны. *Lex Animata*, живое воплощение закона, не смог утолить «законодательный голод» Италии, называемой одним из его предшественников «страной законов» [15], ведь столкнулся с серьёзнейшим

противостоянием со старым врагом Императорской власти – Святым Престолом и его последователями внутри страны и снаружи. Для Италии это имело ряд последствий, как то: физическая победа гвельфов и, стало быть, усиление влияния Папы, возвышение Франции (благодаря новоприобретённым владениям Фридриха II и его сыновей Манфреда, Конрада и Конрадина), меньшая зависимость от Империи, отныне надолго погруженной в заальпийские дела. Булла *Unam sanctam*, явление *plenitudo potestatis*, Констанцкий собор как этап в слиянии понятий подчинения Папе и подчинения церкви – черты роста централизации и укрепления власти Святого Престола, которому, казалось бы, теперь не могло помешать сильное государство, подобное Священной Римской Империи.

Однако недаром победы над Фридрихом II и его потомками в битвах при Тальякоццо, Беневенто и Бувине были одержаны силой французского оружия. Франция при Людовике I Святом и Филиппе Августе выстроила структуру, обладающую рядом черт, которые впоследствии будут предписаны и национальному государству. Поразительно что именно Франции суждено было положить конец Ключийскому и Римскому правлению Пап и неприкосновенности орденов. Хоть Авиньонское пленение и не упразднило того высокого статуса, которым был конструктивистки и праксиологически наделён Папа Римский, отсюда было значительно труднее влиять на расстановку сил в Италии. В период меньший века из северной Италии вышли два крупнейших игрока, до этого пять столетий определявших ход внешней политики её субъектов. Казалось бы, с конца XIII – начала XIV века должна была начаться эпоха торжества пополанов. Но возобладали тогда ровно противоположные тенденции. Может, существование на границе суверенитета двух различных акторов – иерархично государственного Священной Римской Империи и структурно куриального Святого Престола - и служило тем условием, которое было необходимо для формирования статуса коллективного феодала,

выступающего актором международных отношений в регионе и известном европейцам периода высокого средневековья мире.

Но граница была и вполне физической, даже географической. Альпы и ранее представляли препятствие, прохождение которого было сопряжено с рядом трудностей. С течением времени прохода из Центральной Европы в Северную Италию стал проходить через центральную часть Альп у долины реки Падан – месторасположения Милана. Потому всякий переход через Альп контролировался или во всяком случае фиксировался Миланом. Такое стратегическое преимущество отчасти и могло способствовать выделению Милана в качестве сначала солевой, а впоследствии и оружейной столицы региона. Эти сферы предопределили возвышение гильдейских и гражданских прослоек, составивших впоследствии авангард пополанов и далее арьергард нобилиев.

Центростремительные тенденции правителей проявились в ряде городов Италии. Так, в 1333 г. «правители Флоренции учредили новые должности, а именно: семь капитанов для охраны города — и дали каждому из них по двадцать пять вооруженных солдат». Наречены они были барджелло. Цель создания крайне благородная: «они должны были усмирять ссоры, драки и вооруженные стычки, задерживать объявленных вне закона и игроков». Даже сам Джованни Виллани отмечает, что «правители города руководствовались скорее желанием упрочить свое положение и обеспечить себе надежную защиту, потому что беспокоились за исход январских выборов нового приората». Уже здесь видим пренебрежение нобилитета прежде принятых норм избрания представителей власти в городе. Посредством указанных беспорядков «эти выборы могли быть опротестованы, потому что в них не участвовали некоторые достойные быть приорами пополаны, исключенные из-за партийных пристрастий». Заметно прямое вторжение аристократии в избирательный процесс косвенными методами. Теперь же о сроке. «Указанные должности капитанов просуществовали не более года, пока не прошли выборы, затем вместо них

создали другую должность, хранителя мира, располагавшего большими полномочиями» [6].

Единоличная должность, притом не подеста, могла быть сочтена немислимой век или даже полвека назад, но в начале XIV века она была введена. Похоже, сообщество popolano уже спокойнее воспринимало деспотию в политологической трактовке своего времени и единоначалие. Снова «1 ноября 1335 года правители Флоренции создали новую государственную должность, которую называли капитаном охраны и хранителем мира в городе». И вновь следует уничижительный отзыв Виллани: «Под видом заботы о порядке он всеми правдами и неправдами распространял свою власть над другими чиновниками наподобие барджелло и по собственному произволу, не глядя на законы, вершил суд и расправу».

Но то лишь установление новых институтов для усиления контроля верхушки nobili (или «грандов», как они названы во Флоренции). Центральный город долины Падан – Милан – занимал и центральное место в процессе триумфа сеньоров. Синьориальные роды делла Торре и Висконти в истории Милана фигурировали ещё с XII века, или, по крайней мере, в последующем жизнеописании посчитали себя достойным подобной ретроспекции. Но известно не столько начало их деятельности, но конец, который они положили коллегиальному управлению.

В конце XII века Итальянские коммуны проявили значительные усилия для того, чтобы не попасть в зависимость от Священной Римской Империи. 200 лет спустя, в 1395 г., Джан Галеаццо Висконти предпринял всё, чтобы добровольно стать одним из вассалов немецкой короны и принял викариат в качестве Герцога Ломбардского. Сам термин отсылал к владениям Лангобардских королей, в дискурсе коммун ранее олицетворявших реакционные силы. Если, по замечанию Джованни Виллани, правящие круги контадо стремились даже на уровне используемых терминов избегать монархически окрашенных эпитетов во избежание реакции гражданской

прослойки, то отныне смена титула на герцога не стала скрываться за иносказанием.

К XIV веку коммуны Италии постепенно одна за другой склоняются к синьоритету или лишаются статуса самостоятельного субъекта международных отношений. Потому критерии 1 и 2 отдельно или совокупно перестают быть к ним применимы. Так уходят в рассматриваемый период с международной арены формы коллективного феодала.

XII-XIV вв. можно по праву считать расцветом коммунального движения в Европе. Этот этап не единственный: возвращение Амбросианской республики вновь побудит правящие круги Милана вернуться к догматике коллегиальности, возродит в летописях термины *capitano del popolo*, концепции *auctoritas* и *potestas* и консионе. В ходе походов Сфорца и войн Коньякской Лиги Италия вновь продемонстрирует своё умение использовать стратегическое преимущество, однако число факторов, в том числе и военно-технического и социального, к тому времени значительно возросло. Осталось неизменно одно: единство пополанов, не столько метафизическое, сколько наиболее реально проявляющееся в физическом существовании в одном районе под одной башней партии или гильдии и сотканный из плоти воин из иного государства на своей территории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В выпускной квалификационной работе был проведён многосторонний анализ феномена коллективного феодала как актора международных отношений. На основании его результатов представляется возможным сформировать ряд выводов.

Коллективный феодал представляется нетрадиционным актором международных отношений, основное отличие которого – более коллегиальный - включающий более широкий круг сторон, принимающих решение в выработке и принятии внешнеполитических решений – характер формирования повестки по сравнению с традиционным.

Основные критерии выделения коллективного феодала как актора международных отношений включают следующие положения:

1. Коллективное самоуправление подотчётными территорией, населением, хозяйственными и военными ресурсами.
2. Самостоятельное участие в международном процессе в качестве признанного другими игроками актора

Для каждого периода характерен и дополнительный соответствующий хронологический критерий

Наиболее распространёнными формами коллективного феодала являются итальянские коммуны как способ отстаивания суверенитета от других городов-акторов и превосходящих по абсолютным показателям традиционных государств.

Среди городов наибольшее соответствие наблюдается у городов северной, центральной и южной Италии, однако многие географически разнообразные развитые европейские города Высокого Средневековья соответствовали одному из двух критериев или не подлежали выделению по хронологическому признаку.

Формирование итальянских городов было вызвано как наследуемыми внутренними причинами, так и внешним воздействием современных по отношению к ним субъектов международных отношений.

Направления внешней политики итальянских городов включали как сопредельные государства (Священная Римская Империя, соседние города, Франция и Арабский халифат), так и с отдалёнными агентами влияния (Англия, Византия и её наследники).

Основополагающими сферами сотрудничества и противостояния считаются экономика в качестве созидательного имиджа и основу для успехов в последующей сфере: в физическом соперничестве с претендующими на стратегические преимущества коммун государствам.

Наиболее существенное прямое влияние на международно-политическую повестку коллективный феодал в форме итальянских городов-государств оказал при физическом успешном сопротивлении на военное столкновение с превосходящим их немецким государством.

Косвенное влияние на международную повестку обусловлено поддержанием мировых торгово-экономических связей, большая по сравнению с государствами успешность которой отчасти вызвана спецификой организации городов, а также существование в качестве сферы влияния и плацдарма для других игроков (греческих государств, Священной Римской Империи, Папства).

Снижение влияние коллективного феодала и исчезновение его проявлений аналогично его появлению связано как с внутренними причинами (смещение фокуса борьбы между синьорами и пополанами на противостояние пополанов и нобилиев), так и с внешними (усиление национальных государств как нового основополагающего субъекта международных отношений, поглощение их институтами структур коллективного феодала).

Наследием итальянских коммун как формы коллективного феодала можно считать выстроенную ими инфраструктуру торговых путей, традиции

коллегиального самоуправления в итальянских городах, даже находящихся под викариатом иных государств, и идеологический и теоретический импульс в трудах абсолютистов при изучении путей развития государственной организации, которые воплотились при возрождении республиканской идеи спустя век после верхней хронологической рамки работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Акрополит, Георгий. История : монография / Георгий Акрополит. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2013. – 416 с.
2. Бартелеми, Доминик. Рыцарство от Древней Германии до Франции XII в. : монография / Доминик Бартелеми. – Санкт-Петербург : Евразия, 2012. – 580 с.
3. Блок, Марк. Феодалное общество : монография / М. Блок. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 503 с.
4. Боровков, Д.А. Священная Римская империя и Европа : монография / Д. А. Боровков, – Москва, Вече, 2022. – 336 с.
5. Вико, Джамбаттиста. Основания новой науки об общей природе наций : монография / Джамбаттиста Вико. – Москва : РИПОЛ классик, 2018. – 701 с.
6. Виллани, Джованни. Новая хроника или история Флоренции : монография / Джованни Виллани, – Санкт-Петербург : Наука, 2019. – 616 с.
7. Гуревич, А. Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации : монография / А. Я. Гуревич // Одиссей: Человек в истории. – 2006. – С. 11-49.
8. Деяния Конрада II Випона Бургундского URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Vipo/text1.phtml?id=10426> (дата обращения: 02.05.2023).
9. Деяния Фридриха I Оттона Фрейзингенского URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus/Otton_Freising/text5.phtml?id=9204 (дата обращения: 02.05.2023).
10. Дюби, Жорж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом : монография / Жорж Дюби. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 316 с. - (Studia historica)
11. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография : монография / Р. Дж. Коллингвуд. – Москва : Наука, 1980. – 485 с.

12. Констанцкий мир 1183 г. URL: <http://www.dcuci.univr.it/documenti/OccorrenzaIns/matdid/matdid942616.doc> (дата обращения: 02.05.2023).
13. Ле Гофф, Жак. Цивилизация средневекового Запада : монография / Жак Ле Гофф. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – 560 с.
14. Неусыхин, А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI-VIII вв. : монография / А. И. Неусыхин. – Москва : Акад. наук СССР. Ин-т истории. Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 420 с.
15. Пирен, Анри. Средневековые города Бельгии : монография / Анри Пиренн. – Москва : Соцэкгиз, 1937. – 555 с.
16. Рансимен Стивен. Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке / Пер. с англ. С. В. Нейсмарк. – СПб.: Евразия, 2007. — 384
17. Сказкин, С. Д. История Византии : монография / С. Д. Сказкин. – Москва : Наука, 1967. В 3 томах. Т. 3. – 136 с.
18. Собрание Monumenta Historica Britannica URL: <https://ia804707.us.archive.org/6/items/monumentahistoricabritgiles/monumentahistoricabritgiles.pdf> (дата обращения: 02.05.2023).
19. Стасюлевич, М. М. Гвиберт Ножанский. Три книги своей жизни / М. М. Стасюлевич // История средних веков в её писателях и исследованиях новейших учёных. В 3 томах. Т. 3. Ч. 1. — Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1906. – 779 с.
20. Трактат De Legibus Франсиско де Суареса URL: http://oll-resources.s3.amazonaws.com/titles/2740/Suarez_Selections1639_LFeBk.pdf (дата обращения: 02.05.2023).
21. Тьерри, Огюстен. Городские коммуны во Франции в средние века : монография / Огюстен Тьерри. – Москва : URSS, 2010. – 236 с.

22. Успенский, Ф. И. История Византийской империи : [монография]. В 8 томах. Т. 5 / Ф. И. Успенский : Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 249 с.
23. Февр, Люсьен. Бои за историю : монография / Люсьен Февр. – Сретенск : МЦИФИ, 2000. – 344 с.
24. Фуко, Мишель. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук : монография / Мишель Фуко. – Москва : Прогресс, 1977. – 488 с.
25. Хартия вольностей Лану URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XII/1120-1140/Charta_1136_1215/charta_1136_1215.phtml?id=12823 (дата обращения: 02.05.2023).
26. Хартия, данная городу Оксфорду в 1156 г. Генрихом II Плантагенетом URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XII/1120-1140/Charta_1136_1215/charta_1136_1215.phtml?id=12823 (дата обращения: 02.05.2023).
27. Хониат, Никита. История со времени царствования Иоанна Комнина : монография / Никита Хониат. – Рязань : Александрия, 2003. – 439 с.
28. Хроника «Chronica Magistri» Роджера Ховеденского URL: <https://ia800502.us.archive.org/15/items/chronicamagistri02roge/chronicamagistri02roge.pdf> (дата обращения: 02.05.2023).
29. Хроника LIBER DE VITA CHRISTI AC DE VITIS SUMMORUM PONTIFICUM OMNIUM Бартоломео Сакки URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XV/1460-1480/Bartolomeo_Platina/frametext.htm (дата обращения: 02.05.2023).
30. Шмитт, Карл. Политическая теология : монография / Карл Шмитт. – Москва : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. – 333 с.

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
« ТЮ » ТЮ 2023 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Коллективный феодал как актер международных отношений
во второй половине XII-XIV вв.

Руководитель

Лапо

доцент, к.и.н

П.В. Лапо

подпись, дата 12.05.23

должность, ученая степень

инициалы, фамилия

Выпускник

А 12.05.23

подпись, дата

А.О. Осипченко

инициалы, фамилия